

УДК 159.92+ 159.923+ 1(44)(092)

Собольников Валерій Васильович,
доктор психологічних наук, професор,
професор кафедри загальної психології
та історії психології, співробітник на-
укової лабораторії “Архетипна й адик-
тивна ідентичність”, НДПУ, Російська
Федерація, 630126, м. Новосибірськ, вул.
Виллойська, 28, тел.: +7 (905) 951 1047,
e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5880-7283

Собольников Валерій Васильевич,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей психологии и
истории психологии, сотрудник научной
лаборатории “Архетипическая и аддик-
тивная идентичность”, НГПУ, Россий-
ская Федерация, 630126, г. Новосибирск,
ул. Виллойская, 28, тел.: +7 (905) 951
1047, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5880-7283

Sobolnikov Valery Vasilyevich,

Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology and
History of Psychology, Employee of the scientific laboratory “Archetypal and addictive
identity”, NSPU, Russian Federation, 630126, Novosibirsk, Str. Viliuiska, 28, tel: +7 (905)
951 1047, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5880-7283

DOI <https://doi.org/10.31618/vadnd.v1i14.121>

НЕСВІДОМЕ ЯК ДЖЕРЕЛО АРХЕТИПУ ЄВРОПИ: ДИСКУРС НОМАДИЗМУ В КОНЦЕПЦІЇ М. МАФФЕСОЛІ

Анотація. Досліджується колективне несвідоме як підстава, що, можливо, обумовлює через архетипи специфіку розвитку європейської ментальності. Закладений нами дискурс як механізм являє собою польовий континуум, де первинним є архетипи колективного несвідомого, а вторинними – специфічна інтерпретація і модифікація первинного у загальні смисли, колективну європейську ментальність і різні смислові комунікації. Розбіжність парадигмального зсуву між епохами Модерну й Постмодерну досить точно демонструє пронизана інституціоналізмом романтики концепція М. Маффесолі. Представлений у навчанні номадизм розкриває нову соціальну практику, звернену до європейської культури. Виділення ним архетипного змісту

як джерела соціальної трансформації нової спільноти зумовило необхідність аналізу низки концептуальних ідей кочівництва на фрагментарному рівні. Слід підкреслити, що поняття “кочівники” і його міжнародний синонім “Номади” не мають однозначного вживання, а в психології використовується для позначення патології, в основі якої знаходиться ірраціональне. Предметом дослідження став феномен номадизму, що не лише являє собою виразний шлях життєдіяльності, а й відкриває можливості пошуку методологічних засад організації подальших досліджень. Як умови генези розвитку цього процесу аналізуються поле соціального буття Номад, розвиток суспільства у вигляді номадної форми існування, трансформація ідентичності, яка має рухливі властивості, ймовірнісний процес деструкції, який розуміється як перехід від руйнування, але не до смерті, а відродження тощо.

Ключові слова: кочівництво, ідентичність, близькість, свобода, відчуження, номадизм, Модерн, Постмодерн, суб'єктність, колективне несвідоме, архетипи, деструктивні процеси, архетип, дискурс.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ИСТОЧНИК АРХЕТИПА ЕВРОПЫ: ДИСКУРС НОМАДИЗМА В КОНЦЕПЦИИ М. МАФФЕСОЛИ

Аннотация. Исследуется ставшее понятным коллективное бессознательное как основание, которое предположительно через архетипы обуславливает специфику развития европейской ментальности. Заложенный нами дискурс как механизм представляет собой полевого континуум, где первичным являются архетипы коллективного бессознательного, а вторичными специфическая интерпретация и модификация первичного в общие смыслы, коллективную европейскую ментальность и различного плана смысловые коммуникации. Расхождение парадигмального сдвига между эпохами Модерна и Постмодерна достаточно точно демонстрирует пронизанная институционализмом романтики концепция М. Маффесоли. Представленный в учении номадизм раскрывает новую социальную практику, обращенную к европейской культуре. Выделение им архетипического содержания как источника социальной трансформации нового сообщества обусловили потребность анализа ряда концептуальных идей кочевничества на фрагментарном уровне. Следует подчеркнуть, что понятие “кочевники” и его международный синоним “номады” не имеют однозначного употребления, а в психологии используется для обозначения патологии в основе, которой находится иррациональное. Предметом исследования стал феномен номадизма, представляющий собой не только явственный путь жизнедеятельности, но и открывающий возможности поиска методологических основ организации дальнейших исследований. В качестве условий генезиса развития этого процесса анализируется поле социального бытия Номад, формирование сообщества в виде номадной формы существования, трансформация идентичности, обладающей подвижными свойствами, вероятностный процесс деструкции, понимаемый как переход от разрушения, но не к смерти, а возрождению и т. д.

Ключевые слова: кочевничество, идентичность, близость, свобода, отчуждение, номадизм, Модерн, Постмодерн, субъектность, коллективное бессознательное, архетипы, деструктивные процессы, архетип, дискурс.

THE UNCONSCIOUS AS A SOURCE OF THE ARCHETYPE OF EUROPE: THE DISCOURSE OF NOMADISM IN THE CONCEPT OF M. MAFFESOLI

Abstract. The article explores the collective unconscious that has become understandable as the basis, which presumably through archetypes determines the specificity of the development of the European mentality. Our discourse as a mechanism is a field continuum where the archetypes of the collective unconscious are primary, and the specific interpretation and modification of the primary to the common meanings, the collective European mentality and the different plan of the semantic communications are secondary. The divergence of the paradigm shift between the epochs of modernity and postmodern quite accurately demonstrates the concept of Michel Maffesoli, penetrated by the institutionalism of romance. Presented in the teachings of nomadism reveals a new social practice, addressed to European culture. Allocating him the archetypal content as a source of social transformation of the new community necessitated the analysis of a number of conceptual ideas of nomadism on a fragmentary level. It should be emphasized that the term “nomads” and its international synonym for “nomads” do not have a unique use, but in psychology it is used to refer to a pathology based on an irrational one. The subject of the study was the phenomenon of nomadism, which is not only a clear way of life, but also an opportunity to search for the basics of further research into the specifics of civilizational development. As conditions for the genesis of this process are analyzed: the field of social life of nomads; the formation of a community in the form of a nomadic form of existence; the transformation of an identity with mobile properties; the process of destruction, understood as a transition from destruction, but not to death, but to rebirth; etc.

Keywords: nomadism, identity, closeness, freedom; alienation, nomadism, modernity, postmodernity, subjectivity, collective unconscious, irrational, archetypes, destructive processes, archetype, discourse.

Постановка проблемы. Состояние современной мысли можно охарактеризовать как поиск путей разрешения противоречий и развития человечества, основанного на расхождении между эпохами Модерна и Постмодерна. Исследователи повсеместно прибегают к дефинициям “архетип”

и “коллективное бессознательное”, которые служат своеобразными когнитивными образцами: интуитивное схватывание архетипа предшествует инстинктивному действию. Не случайно в европейской ментальности наряду с архетипами “Великая Мать” и “Великий Отец”, важную роль иг-

рает архетип Европы. Бинарность архетипов от их совокупности до архетипа-империи обнаруживает тренд тяготения к формированию единой Европы. Вместе с тем процесс протекает в весьма сложных условиях, где результат до конца неясен. По сути, конфликт Модерна и Постмодерна осуществляется в рамках двух ментальностей и борьбы с репрессивностью и тоталитаризмом за толерантность, плюрализм, психологизм и т. д. Просматриваемый процесс мифологизации массового сознания (рост числа субкультур, трайбализация общества и т. д.) обращает наше внимание на ряд концептуальных положений теории Мишеля Маффесоли [1]. Проблема противоречий между реальной жизнью малых социальных групп и миром идеологических построений власти считается, по его мнению, признаком зарождения новой социальности. Одним из ее проявлений является феномен номадизма, представляющий собой не только явственный путь жизнедеятельности, но и возможности поиска методологических основ и принципов исследования специфики цивилизационного развития. Изучение проблемы кочевничества в рамках концепции М. Маффесоли актуализирует рассматриваемые нами вопросы.

Анализ последних исследований и публикаций. Феномен номадизма в европейской цивилизации рассматривается в качестве одной из центральных проблем номадологии (кочевничества), предметом исследования которой стал “номадный образ жизни”, понимаемый как особый вид производящей экономики [2, с. 83–84]. При этом, не каждая

разновидность мобильной жизни, отрицающая отношение к производящей экономике, может быть отнесена к номадизму. Возникновение Homo sapiens с процессом формирования кочевничества исследователи связывают по времени: от конца палеолита, мезолит, и до неолита. По мере своего развития, номадизм (кочевничество), распространился от Атлантики до Китая и от Восточной Африки до Сибири [3, с. 171–182]. В целом, если евразийское кочевничество возникло в IV–I тыс. до н. э., то в Южной Европе номадизм сложился только в начальный период неолита (IV–III вв. до н. э.) [4].

Анализ имеющейся литературы по номадизму получил свое отражение в работах Л. Гумилева, И. Златкина, Г. Маркова, А. Хазанова, Е. Гелнера, Л. Крейдера, В. Кенига, и др. В трудах исследователей подчеркивается связанность кочевничества с развитием цивилизации, и она воспринимается в качестве важного фактора развития человечества. С 90-х годов прошлого века в результате переосмысления методологических основ и научной парадигмы обнаружилось новые подходы к проблемам номадизма в работах Н. Крадина, В. Трепавлова, Н. Масанова, С. Васютина, К. Ахсанова и др. Большое внимание анализируемой проблеме уделяют труды зарубежных исследователей З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Г. Дебора, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др. При проведении анализа природы номадизма Ж. Делезом и Ф. Гваттари просматривается перспектива концепции этого феномена. Становится очевиднее проводимая М. Маффесоли аналогия между номадами и “племенами”.

Изучение работ ряда исследователей убеждает, что основной функцией номад является способность к постоянной эволюции и стремление к изменению и обновлению мышления ее представителей. С появлением кочевого образа жизни в истории человечества появились возможности освоения посредством захвата новых территорий и последующего введения их в производственный оборот [5]. Одновременно создание этноконтактных групп привело к появлению диалектов, а затем и к формированию условий для последующего разделения труда и торговли. Вместе с тем следует отметить, что общественный строй воспринимал номады как “бич и кару божью”, а их членов — как диких варваров, несущих разрушение и смерть. Очевидно, обособленный образ жизни подталкивал номады быть максимально мобильными, разрабатывать новые технологии, заниматься обменом, порождать диалекты и т. д. [цит. по 6]. Однако дальнейшая эволюция кочевничества привела к тому, что на рубеже XIV–XV веков под ударами зарождающегося капитализма номадская система распалась.

В целом для населения Европы мир номад оставался явлением непонятным, во многом закрытым, малоисследованным, своеобразным “terra incognita”. Отражением номадской культуры стал кентавр — мифическое существо, получеловек-полулошадь, который воспринимался в виде идеального синтеза человека и зверя. Возникновение этого образа исследователи относят ко II тысячелетию до н. э. (Вавилон). Кочевники, пришедшие из Ирана около

1750 года до н. э., в границах своей империи воздвигли каменные изваяния богов-хранителей, в т. ч. и кентавров. Античное их описание как неистового, вожделенного объединения животных, устремляют наш взгляд к темной стороне женского архетипа. Заложённая в ней “программа” уходит корнями глубоко в коллективное бессознательное и прошлое человечества. Верификацией ее может стать гендерно-архетипический анализ процесса, подтверждающий существование в ментальных пластах архетипов “Великая мать — Великий отец” и взаимодействующего с ними мира кентавров [7].

Мифические персонажи эллинской культуры втягивают нас в животную природу бессознательного задолго до того, как появится возможность действительно прикоснуться к высшему, божественному. Как архетип кентавр представляет собой определенную часть дикой природы, не подверженную контролю сознания. Единственно “правильным направлением было спуститься в этот подземный мир, который может позволить выйти просветленным” [8, с. 80–81]. Ж. Т. Тощенко, исследуя феномен кентавр-культуры, раскрывает разрушительный характер ее природы. В современных условиях полагает он, под воздействием кентавр-культуры разлагается мировая культура, повсеместно замещаемая эрзац-, квази- и псевдокультурами. В своих устремлениях к истине и необходимости замены старого содержания новым внедряются в реальную жизнь фрагменты “кентавр-культуры, задающие разрушительный

процесс. Она соткана из элементов, представляющих противоречивые процессы в развитии культуры, которые эксплуатирует, но не всегда прямо себя, противопоставляя противоестественным проявлениям, различным низкопробным вкусам, устремлениям и ориентациям” [9, с. 172].

Цель статьи. В контексте изложенного целью данной работы является выделение архетипического дискурса коллективного бессознательного как духовной инфраструктуры и движущей силы социальных трансформаций нового сообщества.

Изложение основного материала. Конкуренция парадигм модернизма и постмодернизма в Европе порождает высокую степень неопределенности [10] в процессе распознавания дискурса прогнозируемых (непрогнозируемых) событий. Психологическое понимание ситуационных (диспозициональных) факторов субъективной неопределенности актуализирует различные контексты личностного самоопределения. В результате такого рода социализация приводит к выделению особой группы людей (*digital nomad* — цифровое кочевничество), которая ведет “мобильный образ жизни”, постоянно меняя места проживания и использует цифровые технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей” [11, с. 141]. Пребывание “в постоянном движении становится образом жизни, где человек обретает весь “мир”” [12, с. 16].

Вместе с тем переход в новое состояние сопровождается очевидным изменением прежних способов существования личности и

формированием иных способов ее жизнедеятельности. Человек, как и сообщество в целом, в условиях неопределенности будет испытывать проверку на “хрупкость” и “антихрупкость”. Одновременно усилится потребность поиска гуманитарной составляющей интеграции систем “человек — человек” и “человек — искусственный интеллект”. В полной мере станут проявлять себя проблемы идентичности в цифровую эпоху, цифрового неравенства, социокультурного прогнозирования и конструирования будущего. Неслучайно, исследуя проблемы вновь зарождающего сообщества эпохи постмодернизма, М. Маффесоли во многом связывает ее с влиянием архетипов коллективного бессознательного. Совокупность его архетипов становится, полагает он “строительным материалом” для развития общества будущего [13].

Наличие глубинного слоя психики у человечества как коллективного бессознательного позволяет представить содержание последнего через архетипы в виде “врожденных идей, или тенденций к организации опыта в рамках врожденно-определенных паттернов” [14, с. 9]. Результаты анализа экспериментальных и клинических исследований, древних мифов, обычаев и ритуалов, религиозных учений и т. д., проведенного К. Г. Юнгом [15], показали существование коллективного бессознательного. Фактически последнее является тем слоем психического, который стал результатом процесса эволюции биологического вида “человек” в виде концентрированного опыта всего человечества

в форме архетипов. Одновременно ученый осуществляет теоретическое осмысление и попытки выявить и обосновать центральный архетип, связывающий все элементы психики в единое целое. Для К. Юнга бессознательное (“Оно”) и сознание (“Я”) существуют в разных параметрах, следовательно, “самость” становится значимым носителем целостности психики, отражением принципа тотальности личности. Поэтому “проблема бессознательного, подчеркивал Фуко, его возможности, статус, способ существования, а также необходимые для него познания и выявления средства — это не внутренняя, случайная проблема гуманитарных наук, а по сути дела, проблема его существования” [16, с. 17].

В целом перспективы архетипической психологии требуют углубления понимания субъектности. Бессознательность архетипов порождает неопределенность и бесконечность их смысловой структуры, создавая некое поле для их реализации и интерпретации. Индивид, полагает М. Маффесоли, исчезает, а “личность, отдаляясь от своих связей, “взрывается” для расширения границ своей субъектности: “себя” в племени, “себя” в природе, “себя” в религии” [17]. Субъектность как категория отражает активную позицию человека в мире и занимает в современной психологии особое место. В сущности, обнаруживая в своей основе целостную характеристику активности человека, энергетическая сторона его психической организации обеспечивает индивидуальный деятельностно-преобразующий способ бытия. При этом его активно-

преобразующая функция, имеющая четко выраженный авторский характер, обуславливает отношение к жизни как к личной проблеме, а к себе — как к творцу. Поэтому работа индивидуума на пути к “творцу”, по М. Маффесоли, осуществляется по мере создания ею условий определения закона для своих действий вовне. Последнее им фиксируется на уровне появления новой ценности — целостности бытия существа. В новом обществе, по его мнению, начинают превалировать дух креативности, формироваться творческая и эстетическая основа жизнедеятельности [18].

Соглашаясь с изложенным, проанализируем архетипические бессознательные, лежащие в основе формирования субъектности личности. Пребывая в виде концентрированного опыта человечества в форме архетипов, коллективное бессознательное ориентирует нас на необходимость их восприятия. Синтезированные категории архетипов как ядерные структуры, обладающие абстрактными противопоставлениями, придают не только определенную форму содержанию психики, но и возможность активации определенного типа восприятия и действия. К. Г. Юнг в этой связи подчеркивал, что, если “встречается ситуация, соответствующая данному архетипу, этот архетип активизируется, появляется принудительность, которая подобно инстинктивному влечению прокладывает себе путь вопреки всякому разуму и воле либо производит патологический конфликт, т. е. невроз” [19, с. 142–143]. При этом множество противоположных тен-

денций сосуществует или является двойными, а поэтому всегда обнаруживается возможность реализации деструктивного поведения. Генезис этого явления раскрывается как вариант реализации в сознании социокультурного потенциала архетипа, способного выявлять, проявлять и оформлять определенные образы в сознании индивида.

Существующая реальность с помощью образов и символов синтезировать деструктивный опыт человеческих поколений, в сущности, подготавливает условия личностного регресса. На разрыве противоречий начинают формироваться негативная идентичность, с иной системой потребностей, способностей и убеждений и индивидуальной историей, а также деструктивное поведение по отношению к субъектам с позитивной идентичностью. При этом обнаруживается связь деструктивных изменений с археизацией социально-психологических структур. Просматривается также их стремление к формам, сложившимся в упрощенном варианте и в более простых условиях. Такое может привести к неадекватному восприятию текущего времени и поступающей информации и усилить процесс деструктуризации процесса. Наибольший интерес в этом плане вызывает возможная трансформация одного из центральных понятий психоанализа, такого как “влечение”. В рамках теории драйвов влечение представляет собой стремление к удовлетворению слабо осознанных (неосознанных) потребностей, являющихся первоисточником действия и поведения. Достаточно часто это проявляется в деструкции (к смер-

ти), агрессии, комплексах садомазохизма, Эдипа и Электры, архетипов Анима/Анимус. Более того, влечение как мотивация может возникать по типу как безусловного, так и условного рефлексов.

Концептуально идея влечения к разрушению (деструкции) как основы перехода к возрождению впервые была оформлена при поддержке З. Фрейда и К. Г. Юнга С. Шпильрейн [20]. Однако психологический механизм этого процесса раскрыт не был. Объяснение механизма влияния архетипов на сознание и поведение человека стало возможным на основе понимания современного психоанализа не как “захватывающего учения о бессознательном, а дела реорганизации “Я” [21, с. 37].

Попытку раскрыть механизм формирования деструкции предприняли С. Нашт и его сотрудники, логика познания которых основывалась на введении условного рефлекса, актуализации особенностей личности и внешней среды, ориентации на активизацию “Я” и т. д. Так, наделяя “Я” совокупностью важнейших функций (синтез личности, адаптация ее к внешнему или внутреннему миру и защита от деструктивного влияния окружающей среды) был выделен дефицит собственной энергии в “Я”, которую индивид и вынужден заимствовать у “Оно” [22, с. 95–101]. Дезориентация “Я” под влиянием неинтегрированной агрессивности, чувства страха и другие импульсы, идущие из “Оно”, побуждают “Я” модифицироваться для того, чтобы не допустить проникновения инстинктов. Такое понимание психологического механизма взаимодействия

подвело С. Нашта к выделению конфликтов как центральной проблемы, связанной с крушением ценностей и утратой смыслов своего существования [23, с. 157].

Возможность деструктивной модификации “Я” под влиянием внешнего мира становится также реальным по причине своего происхождения от “Оно” и является его частью. Выделившаяся из “Сверх-Я”, часть “Я” представляет собой бессознательное. Поэтому защитная деятельность “Я” в определенной степени является неосознаваемой и, следовательно, не может быть независимой от бессознательного. Наличие в структуре “Я” особенностей (она может быть гибкой или негибкой) в качестве главного, определяющего момента позволяет определить силу или слабость “Я”. Так, например, при слабости “Я”, во-первых, преобладают нарциссические элементы личности; во-вторых, личность является мазохистической; в-третьих, преобладают гомосексуальные структуры; в-четвертых, наблюдается повышенная возбудимость, легкость перехода от одного действия к другому; в-пятых, имеются черты дебилизма в интеллектуальной сфере [21, с. 95–108].

При этом “Я” не может выйти за пределы своего природного естества и включать в себя социальные условия своей жизнедеятельности. Внешняя действительность перестает быть объективной реальностью и разворачивается перед субъектом в зависимости от особенностей индивида. В результате появляется возможность формирования деструктивной идентичности личности, сознание кото-

рой саморазрушается в случае невозможности устранить содержащиеся в нем противоречия (антиномии). В целях диагностики деструктивности сознания необходимо выделить имеющиеся противоречия.

Последнее следует учитывать применительно к другому феномену — племенного мира. На фоне всемирной глобализации “племена” объединяются между собой определенными чувственными переживаниями и культивируют такие черты личности, как верность клану, личное достоинство, националистические и религиозные чувства и т. д. [24, с. 46].

М. Маффесоли, создавая новую модель, прогнозирует вероятность изменения традиционных форм семьи, школы и национального государства. Номадийский образ жизни программирует социальную мобильность, охватывая все сферы жизнедеятельности человека. “Структура кочевого образа жизни, — полагает он, — станет широко распространенной, и вполне естественно, люди за свою жизнь сменят несколько семей, несколько профессий”, трансформируют гендерные аспекты своей идентичности, стили жизни и т. д. [25].

Изложенное открывает широкие возможности исследования психики человека в процессе взаимодействия с архетипами и выявления сложного во многом противоречивого влияния внутренних и внешних факторов формирования деструктивной идентичности [26]. Здесь, следуя З. Фрейду, К. Г. Юнгу, С. Нашту и др., стоит активнее использовать не только традиционные средства (толкование сновидений, методы свобод-

ных ассоциаций, трансферт, определение силы “Я” и др.), но и выходить на квазиэкспериментальные методы. В процессе изучения личности также целесообразно применять и анамнестический метод в целях анализа сексуальных, аффективных и социальных реализаций субъекта как личности и оценки ее поведения в особых состояниях сознания. При этом, по мнению С. Нашта, следует остерегаться соприкосновения сил инстинктов и “Я”. “Мы не можем, утверждал он, менять требования бессознательного, но мы можем изменять ответы, которые ему даются “Я” и “Сверх-Я”” [21], тем самым определяя основное направление дальнейшей проработки проблем формирования деструктивной идентичности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В целом предложенная М. Маффесоли модель постмодернистского общества в полной мере передает чувство усиливающейся ненадежности укорененных социальных, религиозных и других институтов и создает видение перспективы дальнейшего развития общества. В результате разработанная им парадигма приобретает черты комплексной теории, которая, по мнению Э. А. Афонина, позволяет человеку “переступить” границы своей индивидуальности и сливаться с общностью, к которой он принадлежит [26]. На основании изложенного нам представляется важным дальнейшее исследование проблем формирования деструктивной составляющей нового сообщества. При этом одним из наиболее значимых направлений становится исследование природы внутренних

и внешних механизмов социально-психологической ритмики развития в рамках психологического, биологического и социального времени и среды обитания. Современный уровень представлений о человеке как социальном существе невозможен без выявления психологических закономерностей становления и функционирования личности, в том числе и деструктивных сознания и поведения человека. Перед архетипической психологией стоят задачи исследования общих закономерностей формирования “номадийной” личности, деструктивных аспектов ее социализации. Более того, остается значимым проведение анализа внутренней ее динамики в системе взаимовлияния сознательных и бессознательных процессов, а также исследование устойчивости психической ее организации.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. *Околдованность* мира или божественное социальное / М. Маффесоли // Социо-логос. — Вып. 1. — М.: Прогресс, 1991. — С. 274–283.
2. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — 3-е изд., доп. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
3. *Spooner Brian.* Nomadism in Baluchistan / Brian Spooner // Pastoralists and Nomads in South Asia. — Wiesbaden, Germany: Harrassowitz, 1975. — P. 171–182.
4. *Гонгор Д.* Краткая история Халхи. Халха-монгольские племена и халхаское ханство. XIII–XVII вв.: Ч. 1 / Д. Гонгор. — Улаанбаатар, 1970. — 390 с.

5. Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе / Н. Н. Крадин // *Философия и общество*. — 2001. — Вып. № 2 (23). — С. 108–138.
6. Марков Г. Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопр. теории / Г. Е. Марков // *Восток*. — 1998. — № 6. — С. 110–123.
7. Собольников В. В. Архетипическое обоснование деструктивности в контексте бинарности как структурообразующего принципа / В. В. Собольников // *Сибирский пед. журн.* : науч. периодическое изд. — 2015. — № 3. — С. 15–18.
8. Хиллман Джеймс. Внутренний мрак: бессознательное как проблема морали / Джеймс Хиллман // *Внутренний поиск : сб. работ разных лет / пер. с англ.* — М. : Когнито-Центр, 2004. — 335 с.
9. Тощенко Ж. Т. Кентавр-культура: современные лики / Ж. Т. Тощенко // *Диалог культур в условиях глобализации : XI Междунар. Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. : Т. I. Доклады*. — СПб. : СПб-ГУП, 2011. — С. 166–173.
10. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека: коллективная монография / Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова, С. А. Корнилов. — М. : Смысл, 2010. — 334 с.
11. Gussekloo A. Digital Nomads: How to Live, Work and Play Around the World / A. Gussekloo, E. Jacobs. — N.-Y. : Location-Independent Publishers, 2016. — 280 p.
12. Rushkoff D. Program or Be Programmed: Ten Commands for a Digital Age / D. Rushkoff. — New York, 2011. — 152 p.
13. Maffesoli Michel. L'homme postmoderne / Michel Maffesoli. — Paris, 2012. — 216 p.
14. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — М. : Ренессанс, 1991. — 150 с.
15. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного (1936) / К. Г. Юнг // *Сознание и бессознательное*. — СПб ; М. : Университет. кн., 1997. — С. 69–79.
16. Foucault M. Madness and civilization: a history of insanity in the age of reason / M. Foucault ; edited by R. D. Laing, D. G. Cooper. — New York : Pantheon Books, 1965. — 299 p.
17. Afonin E. A. Neotribalism and modern policy of decentralization: analysis of professor Michel Maffesoli's ideas / E. A. Afonin, V. A. Pliushch // *Public management*. — 2017. — № 4 (9). — P. 34–47.
18. Maffesoli M. Utopia or Utopias in the Gaps: From the Political to the "Domestic", Diogenes / M. Maffesoli. — English ed. Fiesole, 2005. — Vol. 52, Iss. 2. — P. 24–25.
19. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг ; пер. с нем. — М. : Канон, 1994. — 320 с.
20. Spielrein S. Destruktion als Ursache des Werdens, Internat. Zeitschr / S. Spielrein // *Fur Psychoanal.* — 1912. — № 4. — 97 p.
21. Nacht S. La presence du psychanalyste / S. Nacht. — Paris, 1963. — 450 p.
22. Собольников В. В. Архетипические проблемы формирования деструктивной идентичности / В. В. Собольников // *Гуманитарные науки и образование в Сибири : науч.-практ. журн.* — 2015. — № 2. — С. 95–101.
23. Nacht S. La psychanalyse daujourd'huihui / S. Nacht. — Paris, 1956. — 390 p.
24. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. — М. : Весь Мир, 2004. — 188 с.
25. Маффесоли М. Неотрайбализм и современная политика децен-

трализации: открытая лекция в НАГУ при Президенте Украины (29 июня 2017 г.) [Электронный ресурс] / М. Маффесоли. — 2017. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zeh3LIn5uNM>.

26. Хиллман Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллман; пер с англ. — М.: Когнито-Центр, 2006. — 351 с.

REFERENCES

1. *Okoldovannost' mira ili bozhestvennoye sotsial'noye* [The bewilderment of the world or the divine social] / M. Maffesoli // Socio-logos. Issue. 1. — M.: Progress, 1991. — P. 274–283.
2. *Khazanov A. M.* (2002). Kochevniki i vneshniy mir [Nomads and the outside world] / A. M. Khazanov. — 3rd ed, add. — Almaty: Dyke-Press. — 604 p.
3. *Spooner Brian.* (1975). Nomadism in Baluchistan [Nomadism in Baluchistan] / Brian Spooner // Pastoralists and Nomads in South Asia. — Wiesbaden, Germany: Harrassowitz. — P. 171–182.
4. *Gongor D. A.* (1970). Kratkaya istoriya Khalkhi. Khalkha-mongol'skiye plemena i khalkhaskoye khanstvo. XIII–XVII vv. [Brief History of Khalkha. Khalkha-Mongolian tribes and the Khalkha Khanate. XIII–XVII centuries] : Part 1 / D. Gongor. — Ulaanbaatar. — 390 p.
5. *Kradin N. N.* (2001). Kochevniki v mirovom istoricheskom protsesse [Nomads in the world historical process] / N. N. Kradin // Philosophy and Society. — Issue. № 2 (23). — P. 108–138.
6. *Markov G. Y.* (1998). Ye. Iz istorii izucheniya nomadizma v otechestvennoy literature: voprosy teorii [From the history of the study of nomadism in Soviet literature: theory issues] / G. Y. Markov, Vostok. — № 6. — P. 110–123.
7. *Sobolnikov V. V.* (2015). Arkhetipicheskoye obosnovaniye destruktivnosti v kontekste binarnosti kak strukturo-obrazuyushchego printsipa [Archetypical justification of destructiveness in the context of binary as a structure-forming principle] / V. V. Sobolnikov // Siberian Pedagogical Journal: a scientific periodical. — № 3. — P. 15–18.
8. *Hillman James.* (2004). Vnutrenniy mrak: bessoznatel'noye kak problema morali [Inner darkness: the unconscious as a moral problem] / James Hillman // Internal search: Sat. works of different years / trans. with English. — M.: Cognite Center. — 335 p.
9. *Toshchenko Zh. T.* (2011). Kentavr-kul'tura: sovremennyye liki [Centaur-Culture: Contemporary Faces] / Zh. T. Toshchenko // Dialogue of Cultures in the Context of Globalization: 11th International Likhachov Scientific Readings, May 12–13, 2011: T.I. Reports. — St. Petersburg. : SPbGUP. — P. 166–173.
10. *Psikhologiya neopredelennosti: yedinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka : kollektivnaya monografiya* [The psychology of uncertainty: the unity of the person's intellectual-personal potential]: a collective monograph / T. V. Kornilova, M. A. Chumakova, S. A. Kornilov. — M.: Sense, 2010. — 334 c.
11. *Gussekkloo A.* (2016). Digital Nomads: How to Live, Work and Play Around the World / A. Gussekkloo, E. Jacobs. N.-Y. : Location-Independent Publishers. — 280 p.
12. *Rushkoff D.* (2011). Program or Be Programmed: Ten Commands for a Digital Age / D. Rushkoff. — New York. — 152 p.
13. *Maffesoli Michel.* (2012). L'homme postmoderne / Michel Maffesoli. — Paris. — 216 p.

14. *Jung K. G.* (1991). Archetype and the symbol / K. G. Jung. — M.: Renaissance. — 150 p.
15. *Jung K. G.* (1997). The notion of the collective unconscious (1936) / K. G. Jung // Consciousness and the unconscious. — St. Petersburg; M.: University Book. — P. 69–79.
16. *Foucault M.* (1965). Madness and civilization: a history of insanity in the age of reason / M. Foucault; edited by R. D. Laing, D. G. Cooper. — New York: Pantheon Books. — 299 p.
17. *Afonin E. A.* (2017). Neotribalism and modern policy of decentralization: analysis of professor Michel Maffesoli's ideas / E. A. Afonin, V. A. Pliushch // Public management. — № 4 (9). — P. 34–47.
18. *Maffesoli M.* (2005). Utopia or Utopias in the Gaps: From the Political to the “Domestic”, Diogenes / M. Maffesoli. — English edition Fiesole. — Vol. 52, Iss. 2. — P. 24–25.
19. *Jung K. G.* (1994). Psychology of the unconscious / K. G. Jung; trans. with him. — M.: Canon. — 320 p.
20. *Spielrein S.* (1912) Destruktion als Ursache des Werdens, Internat. Zeitschr / S. Spielrein // Fur Psychoanal. — № 4. — 97 p.
21. *Nacht S.* (1963). La presence du psychanalyste / S. Nacht. — Paris. — 450 p.
22. *Sobolnikov V. V.* (2015). Arkhetipicheskiye problemy formirovaniya destruktivnoy identichnosti [Archetypical problems of formation of destructive identity] / V. V. Sobol'nikov // Humanities and Education in Siberia: a scientific and practical journal. — № 2. — P. 95–101.
23. *Nacht S.* (1956). La psychanalyse d'aujourd'hui / S. Nacht. — Paris. — 390 p.
24. *Bauman Z.* (2014). Globalization. Consequences for man and society / Z. Bauman; trans. with English. — M.: The whole world. — 188 p.
25. *Maffesoli M.* (2017). Neotraibalism and the modern policy of decentralization: an open lecture at the National Academy of Sciences under the President of Ukraine (June 29, 2017) [Electronic resource] / M. Maffesoli. — Access mode: <https://www.youtube.com/watch>